

УДК 882-3(09)»19»

А.В. Сафронов

**ЛЮБОВНЫЙ ДИСКУРС В «РАКОВОМ КОРПУСЕ»
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
(рязанский период творчества)***

«Раковый корпус» — одно из важнейших произведений А.И. Солженицына рязанского периода. Опираясь на толстовское «чем люди живы?», автор ставит в повести вечные проблемы смысла жизни, любви и смерти, нравственности существующего строя, вскрывает источники материальной и духовной скудости послесталинского общества, выявляет, возможно ли излечение и какую цену. Столкновение позиций в бесконечных дискуссиях, затрагивающих бытовые и бытийные проблемы, указывает на традиции идейно-философских романов Ф.М. Достоевского. Поставив героев, собранных в одной больничной палате, в экзистенциальную, «пороговую ситуацию», Солженицын вскрывает источники их духовного недуга, анализирует его характер. Не прибегая к прямым нравоучениям, автор рисует действительность в двух планах — реалистическом и символическом. Повесть предстает социопсихологическим исследованием любви земной, любви человеческой. Любовь в жизни героев — Поддуева, Русанова, Зацырко, Чалого, Костоглотова и других — рассматривается в чувственном, духовном и бытовом аспектах, при этом ни одна любовная линия не показана завершённой. В диалогах-спорах, деталях и символах автор пытается найти потенциальную возможность излечения раковой опухоли советского социума.

Солженицын, рязанский период творчества, «пороговая ситуация», чувственное и духовное, любовь как преодоление смерти, женские персонажи, советский социум, символика.

Рязанский этап жизни и творчества А.И. Солженицына называют «Болдинской осенью». Здесь он пишет или начинает писать «Один день Ивана Денисовича» (1959), «Матренин двор» (1959), «Раковый корпус» (1966), «В круге первом» (1958), «Для пользы дела» (1963), «Архипелаг ГУЛАГ» (1968), «Красное колесо («Август четырнадцатого»)» (1969). Именно в Рязани к Солженицыну придет слава после опубликованного в 1962 году «Одного дня Ивана Денисовича». Атмосфера древнего города, его люди, мещёрские пейзажи повлияли на каждое написанное здесь произведение.

Замысел «Ракового корпуса» возник у Солженицына еще в 1955 году, после выписки из ташкентской больницы. Возвращается он к нему 3 февраля 1963-го.

---

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и правительства Рязанской области. Проект РГНФ 15-14-62001а(р) «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».

«Александр Исаевич вдруг почувствовал непреодолимое желание написать рассказ из своего «онкологического прошлого». Вечером, когда мы кружили на лыжах по скверу, он был уже в своем «раковом корпусе», — пишет Н.А. Решетовская¹. Происходит это в невозможный для всей предыдущей жизни Солженицына момент, когда он находится на вершине славы, признания и удачи. «Взошла моя звезда! — были его первые слова после того, как 18 ноября 1962 года вышел «Новый мир» с рассказом «Один день Ивана Денисовича»². Жизнь рязанского учителя круто меняется: секретарь Рязанского отделения Союза писателей В.С. Матушкин вместе с Б. Можаяевым уговаривают его вступить в ряды уважаемой и могущественной организации; он приглашен на встречу с руководителями партии и государства в Дом приемов на Ленинских горах; в «Правде» напечатан отрывок из «Случая на станции Кочетовка»; обсуждается возможность постановки в «Современнике» пьесы «Олень и шалашовка»; новый, 1963, год он встречает с коллективом популярнейшего в стране театра, а за два дня до этого — принят в члены Союза писателей; 20 января «Новый мир» напечатал два рассказа — словом, наступает черед побед и праздников. Писатель «...пожинал в Москве плоды внезапной славы»³.

В конце весны 1963 года А.И. Солженицын уезжает в Солотчу готовиться к написанию повести из своего «онкологического прошлого». Готовясь и настраиваясь, он читает Л.Н. Толстого — тот самый десятый том, который потом будут обсуждать его герои. Полностью Солженицын завершает работу в ноябре 1966 года там же, где и начинал, — в Солотче. Повесть была предложена «Новому миру», но автор получил отказ в ее публикации.

В сборнике статей и документов об А.И. Солженицыне 1962–1974 годов «Слово пробивает себе дорогу»⁴ подробно представлена история десятилетних боев за публикацию «Ракового корпуса».

На расширенном заседании бюро творческого объединения прозы Московской писательской организации Союза писателей РСФСР, проходившем 16 ноября 1966 года, было высказано достаточное количество отзывов о «Раковом корпусе», которые во многом предвосхитили дальнейшие пути анализа повести:

«...захватывает своими внутренними антитезами, правдой человеческого существования... атмосфера палаты — в стремлении понять друг друга, смысл жизни» (А.М. Борщаговский)⁵;

«...произведения, беспощадно правдивого, полного той силы совести, которая всегда одушевляла русскую литературу» (В.А. Каверин)⁶;

---

¹ Решетовская Н. А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены. М.: Мир книги, 1994. 368 с. С. 120.

² Там же. С. 74.

³ Решетовская Н.А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены. С. 83.

⁴ Слово пробивает себе дорогу: сб. ст. и док. об А.И. Солженицыне, 1962–1974 / сост. В. Глоцер, Е. Чуковская. М.: Русский путь, 1998. 387 с.

⁵ Там же. С. 248.

⁶ Там же. С. 250.

«...писатель абсолютно владеет жизнью и смотрит на нее свободно и непредвзято... Хотелось бы сказать еще о женщинах... Написаны они не только с теплотой, не только с лиризмом, но написаны они еще и с глубочайшим состраданием, глубочайшим пониманием. Это такая новая, щемящая нота» (Л.Р. Кабо)⁷; «слишком много натуралистических подробностей... автор «Ракового корпуса» как раз показывает тот моральный ущерб, который причинил культ личности нашему обществу» (И.Ф. Винниченко)⁸.

Проблематика «Ракового корпуса» остра и вечно актуальна: в чем смысл жизни, какова цена смерти, нужна ли ложь во спасение, что выше — долг или личное счастье. Предметом полемики вокруг повести становились ее многомерная тематика и социальная проблематика, нравственные и политические позиции автора и его героев.

Поставив героев, собранных в одной больничной палате, в экзистенциальную, «пороговую ситуацию», автор совершает вскрытие источников духовного недуга, поразившего советский социум и каждого его представителя, анализирует его характер, выявляет, возможно ли излечение и какую цену оно добывается. Столкновение позиций происходит в бесконечных спорах, затрагивающих бытовые и бытийные проблемы, что указывает на традиции идейно-философских романов Ф.М. Достоевского. В конечном итоге все дискуссии в палате сводятся к проблеме нравственности существующего строя.

Ожидание смерти заставляет героев размышлять над толстовским вопросом: «Чем жив человек?» В тексте повести имеются как прямые отсылки к личности и произведениям Льва Толстого, так и аллюзии, которые можно расценивать как признак глубокой погруженности Солженицына в его идеи. Трагедийная ситуация высвечивает души героев и дает представление о каждой как о живой или омертвевшей.

По отношению к главной проблеме — «чем люди живы?» — обитатели палаты делятся на четыре группы:

- те, кого толстовский вопрос не волнует, ответ для них изначально ясен (Русанов, Чалый);
- герои, которые разочаровались в прежних идеалах и судят себя за неправильно прожитую жизнь, смутно догадываясь о существовании какого-то иного, нематериального ее смысла (Ефрем Поддуб, Шулубин);
- молодые герои, которые только в начале размышлений об этой проблеме (Вадим Зацырко, Демка, Ася);
- Олег Костоготов, герой, чья жизненная позиция – с противоречиями, поисками и метаниями — близка автору.

Если отбросить «медицинскую» и «лагерную» составляющие, то повесть предстанет как социопсихологическое исследование любви земной, любви человеческой. Однако исследователи нечасто обращались к этому важному дискурсу повести, несмотря на явное присутствие в тексте проходящей через всю миро-

⁷ Там же. С. 248.

⁸ Там же. С. 255.

вую литературу оппозиции «любовь — смерть». Исключение составляют статьи А. Урманова «Концепция эроса в творчестве А. Солженицына»⁹ и А. Аркатовой «Чудо духовности Веры Гангарт (о поэтике одного женского персонажа в повести А. Солженицына «Раковый корпус»)»¹⁰. Также на этот аспект повести обратил внимание Р. Темпест, отмечавший, что очень удались Солженицыну образы женщин, к которым Костоготов чувствует влечение (медсестра Зоя) или любовь (Вера Гангарт). «Эти персонажи показаны главным образом через «мужской» фильтр — восприятие протагониста, молодого мужчины, изголодавшегося по женскому общению, женской ласке, женскому телу, но неспособного пожертвовать своим статусом сознательно строящего себя человека ради пресловутого идеала «счастья»¹¹. Высокое и всеобъемлющее чувство в его «небесной» и «земной» разновидностях, способность его испытывать, способы его реализации много могут сказать и о советской послевоенной действительности, и о характерах героев, и об авторской позиции.

Убедительны наблюдения А. Урманова: «... в размышлениях о любви солженицынских героев речь идёт о преодолении смерти. Кроме того, это и порыв духа к первоначальному идеалу, к сохранившемуся в прапамяти человека ощущению утраченного блаженства. Таковы любовные метания Костоготова между телесностью Зои и жертвенной духовностью Веры»¹².

У прочих персонажей это выглядит по-иному. Антагонист Костоготова (и автора) Русанов подчеркнуто отрицает само понятие любви — во всех смыслах. «Лю-бо-вью!?. Не-ет, это не наша мораль!» — категорически заявляет он во время спора о том, чем люди живы¹³. Он «ценный работник, заслуженный человек», сторонник действия, инициативы, видящий истинную жизнь в тайных бумагах, в глубинах портфелей», он имеет все, что, казалось бы, нужно для счастья, с точки зрения советского человека: квартиру, машину, хорошую работу, жену, детей, но его мертвая, окаменелая душа не способна на простую, земную, человеческую любовь. Русанова совершенно невозможно представить в качестве «человека влюблённого. И его жена, Капитолина Матвеевна, с «широкой головой, ещё уширенной пышными медными стриженными кудрями... обьятая по плечам двумя чернобурками»¹⁴, для него не любимая женщина, а надежный товарищ: «Она не теряла головы, она всегда все предусматривала. Она была настоящий товарищ по жизни»¹⁵.

Русанов сдержанно ведет себя с сыновьями, не испытывает теплых чувств, вспоминая о дочерях. Но и другие члены его семьи мертвы, кукольны, схема-

---

⁹ Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003). М.: Русский путь, 2005.

¹⁰ Аркатова А.Е. «Чудо духовности» Веры Гангарт (о поэтике одного женского персонажа в повести А. Солженицына «Раковый корпус») // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2013. № 3/40.

¹¹ Темпест Р. Американский Солженицын // Первое сентября. Литература. 2008. № 22. 16–30 нояб.

¹² Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына. С. 382.

¹³ Солженицын А.И. Раковый корпус. М.: Астрель, 2011. 508 с. С. 135.

¹⁴ Там же. С. 6–7.

¹⁵ Там же. С. 12.

тичны. Они предстают как люди слишком идеальные даже с точки зрения советской морали, будто не были никогда Павел Николаевич и его жена молодыми, не было между ними влюбленности, романтики, объятий и поцелуев. Читателю принципиально невозможно представить интимную жизнь супругов Русановых до того момента, как мы встречаемся с ними в повести, как будто так они всегда и жили, такими и появились на свет. Не вызывает сомнения, что бесполость Русанова никак не связана с религиозным умерщвлением плоти или коммунистическим аскетизмом; в других сферах он вполне гедонистичен (вещи, квартира, еда, больничный уход, власть).

Дети Русанова подобны отцу, в первую очередь дочь Авиета, начинающая поэтесса. Доминирующие черты ее личности — практичность, холодный ум и целеустремленность, что противоречит архетипическому представлению о поэтах как о людях романтических, эмоциональных, слегка «не от мира сего». Образ этой героини подчеркнуто антиэротичен, в ее портрете нет ни малейшего намека на чисто женскую привлекательность: «...она с таким порывом шла, чуть наклонясь вперед, что, пожалуй, и сшибла бы». Костоготов, встретивший ее в дверях клиники, «сразу охватил: на шоколадных волосах голубой берет, голову, поставленную как против ветра, и очень уж своенравного покроя пальто — какой-то длинный невероятный хляст, застёгнутый у горла»¹⁶. Павел Николаевич, видит, глядя на дочь, «...прямое честное открытое лицо, такое энергичное, живое, с подвижными ноздрями, с подвижными бровями, чутко вздрагивающими на всякую несправедливость»¹⁷, «...была одета Алла смело, гордо, вполне выявляя свою крупную ясную привлекательность, так совмещённую с твёрдым ясным умом»¹⁸. В биографии Аллы-Авиеты отсутствуют «чудные мгновения»: нет ни первой школьной любви, ни влюбленности в ровесника-студента, ни увлечения кем-то из коллег-наставников, ни случайной вспышки страсти — всего того, что традиционно формирует личность, дарует вдохновение, становится содержанием жизни и творчества любого стихотворца всех времен и народов, а женщины-поэта — тем более. Зато Авиета смело идет вперед, к новым победам, к успешной карьере. Характеризуя женщин-революционерок из «Красного колеса», А. Урманов пишет: «...если поменять имена героинь на мужские и сменить им пол, читатель, скорее всего, не заподозрит подмены — потому, что озвучиваемые героинями эпопеи социальные идеи полностью «заполняют» их, вытесняя женское, эротическое начало»¹⁹. И это полностью применимо к дочери Русанова.

Тему победы жизни и любви над смертью Солженицын рассматривает «по-достоевски», давая высказаться самым разным героям. «Техник», «агент» по снабжению Максим Чалый врывается в палату, как поток освежающего ветра, расшевеливая больных: «невысокий, очень живой человек... жизнелю-

¹⁶ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 252.

¹⁷ Там же. С. 254.

¹⁸ Там же. С. 257.

¹⁹ Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003). М.: Русский путь, 2005. С. 376.

бивая уверенная улыбка... у него был нос велик — мягкий, большой нос, подрумяненный»²⁰. Большой нос, по народным поверьям, примета значительного мужского достоинства, «подрумяненность» указывает на любовь к спиртному. Жизнелюбец, эпикуреец Максим Чалый парадоксально столь же бездуховен и циничен, как «безлюбой» Русанов, недаром они сближаются. Ему чуждо представление о высших ценностях, чужда идея раскаяния, одна из заветных для Солженицына. Непринуждённо, в стиле героев «Декамерона», выпутывается он из фарсовой ситуации с двумя «жёнами», почти одновременно пришедшими навестить «мужа»: «...легко и открыто смеялся первый сам: «Ну, что ты будешь с бабами делать? Если им это удовольствие доставляет? И почему их не утешить, кому это вредит?.. И расхохотался, увлекая за собой слушателей и отмахиваясь рукой от избыточного смеха»²¹.

Споры о том, чем люди живы, заставляют пересмотреть отношение к любви Ефрема Поддудова: «Живы чем? — Даже и вслух это не выговаривалось. Не прилично вроде. — Мол, любовью...»²². Строитель Поддудов — человек, который много ездил по стране, имел в жизни деньги, женщин, почти в каждом городе, где он бывал у него оставалась семья. «Я — баб много разорил. С детьми бросал... Плакали...»²³. На пороге смерти Ефрем начал задумываться о смысле прожитой жизни, признал, что люди живы любовью. Но это не те мимолетные увлечения или кратковременная страсть, которые наполняли его жизнь, а истинные, крепкие чувства. Для него они были недоступны, возможно, именно поэтому его одолела страшная болезнь. И если, к примеру, у Зацырко, Дёмки, Костоглотова есть надежды, стимулы, надличностные ценности, которые придают их бытию смысл, добавляют жизненных сил, то у Поддудова ничего этого не оказывается. Не доверяя «чудесным исцелениям» от смертельной болезни, он признаёт, что для этого нужна чистая совесть, что он сам «разорил» много женщин, бросал их с детьми, заставлял плакать, и поэтому опухоль у него не рассосется. «И привыкал к смерти, как к смерти соседа»²⁴.

Противоречива позиция Шулубина, бывшего ученого, а ныне библиотекаря, с его проповедью «нравственного социализма». С одной стороны, он пропагандирует как принцип «взаимное расположение» людей, а с другой: «Если только заботиться о «счастье» да о размножении — мы бессмысленно заполним землю и создадим страшное общество...»²⁵. Его жена умерла, дети выросли и бросили отца. «Я вот детей воспитывал и был счастлив. А они мне в душу наплевали»²⁶. «Мысль семейная» отвергается им, как и стремление людей к счастью, к любви.

Молодое поколение, собственно те, кому и полагается наиболее сильно любить, представлено в повести Дёмкой и Асей. Семнадцатилетняя Ася подразуме-

---

²⁰ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 276–277.

²¹ Там же. С. 285–286.

²² Там же. С. 100.

²³ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 137.

²⁴ Там же. С. 188.

²⁵ Там же. С. 395.

²⁶ Там же.

вает под словом «любовь» совсем не то, о чем говорилось в книге Толстого, не высокую, евангельскую любовь к другим людям, а физическую любовь между мужчиной и женщиной. Она не задумываясь отвечает на вопрос, для чего живет человек: «Для любви, конечно!.. Это — н а ш е всегда!.. и это — с е г о д н я! Любовь!! — и все!!»²⁷. Возникает некоторое сомнение, что у этой героини были прототипы-современницы, ибо ее раскрепощенность идет то ли из 20-х годов с теорией «стакана воды», то ли из не наступившей еще американско-европейской сексуальной революции конца 60-х: «А ты — что?.. — полушёпотом спросила Ася, готовая рассмеяться, но с сочувствием. — А ты до сих пор не...? Лопушок, ты ещё не...?.. да у нас половина девчонок!.. А одна ещё в восьмом классе забеременела!.. Да чем раньше, тем интересней!.. И чего откладывать? — атомный век!..»²⁸. Отметим типологическое сходство этой героини с набоковской Лолитой. Невозможно предположить знакомство Солженицына с романом русско-американского классика — русский перевод автор закончил в 1967 году, но параллель напрашивается сама собой: «Вдруг, со вспышкой хулиганского веселья (признак нимфетки!), она приложила рот к моему уху — но рассудок мой долго не мог разбить на слова жаркий гул её шепота, и она его прерывала смехом, и смахивала кудри с лица, и снова пробовала... Я ответил, что не знаю, о какой игре идёт речь, — не знаю, во что она с Чарли играла. «Ты хочешь сказать, что ты никогда — ?», начала она пристально глядя на меня с гримасой отвращения и недоверия. «Ты, — значит, никогда — ?» начала она снова... «То есть, ты никогда», продолжала она настаивать (теперь стоя на коленях надо мной), «никогда не делал этого, когда был мальчиком?»... ни следа целомудрия не усмотрел перекошенный наблюдатель в этой хорошенькой, едва сформировавшейся, девочке, которую вконец развратили навыки современных ребят, совместное обучение, жульнические предприятия вроде герл-скаутских костров, и тому подобное»²⁹.

Автор несколько запоздало, ближе к финалу, откликается на тему «распушенности молодого поколения» в сцене разговора Донцовой со старым врачом Орещенковым, который без видимой связи с темой беседы — Донцова пришла к нему, узнав свой страшный диагноз, — переходит к разговору о том, как важна роль семейного доктора в воспитании молодёжи: «...Девочкам в четырнадцать лет и мальчикам в шестнадцать надо обязательно разговаривать с доктором... он не только предупредит их от ошибок, от ложных порывов, от порчи своего тела, но и вся картина мира для них омоется и уляжется». На эти рассуждения Донцова, словно для того, чтоб снять у советских критиков упреки в пропаганде «свободной любви» и ранних половых связей, вяло отвечает: «Это верно. Половое воспитание у нас заброшено»³⁰.

Демка в спорах о том, «чем люди живы», высказывает мысль, что любовь — это не вся жизнь, что это лишь «определенный период». Отвращение к физиче-

²⁷ Там же. С. 123.

²⁸ Там же. С. 123–124.

²⁹ Набоков В.В. Приглашение на казнь. Лолита / вступ. ст. В.А. Пронина. М.: Пресса, 1994. С. 277–278.

³⁰ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 379.

ской стороне любви он приобрел в детстве, когда мать, овдовев, стала приводить в дом мужчин. Ася в беседе с ним доброжелательна и снисходительна, полностью открыта, их разговор естественен и легок, и Дёмке начинает казаться, что они знают друг друга уже очень давно, и то, что раньше вызывало у него отвращение, уже представляется ему чем-то невинным и неиспачканным. И когда Ася врывается к нему в палату с ужасной новостью, что ей будут делать операцию — отрежут грудь — и плачет: «Ком-му-я-теперь-буду-н-нуж-на?.. — спотыкалась она безутешно... Да как же я теперь на пляж пойду?!»³¹, Демка уверенно заявляет, что ему она нужна и что он даже женится на ней охотно. Благодаря встрече с Асей, Демка начинает понимать и по-новому познавать телесную сторону любви: «Она раздёрнула халат, да он сам уже не держался, и, снова, кажется, плача или стоня, оттянула свободный ворот сорочки — и оттуда выдвинулась её обречённая правенькая...

– Целуй! Целуй! — ждала, требовала она...

И, вдыхая запазушное подаренное ему тепло, он стал тыкаться как поросенок, благодарно и восхищенно, поспешными губами, во всю эту изгибистую, налитую над ним поверхность, хранящую свою постоянную форму, плавней и красивей которой ни нарисовать, ни вылепить»³².

Как считает А.В. Урманов, «в отличие от христианского искусства (например, средневековой иконописи), где женская грудь изображается без какого-либо эротического подтекста, в произведениях Солженицына она частенько не только эротизируется, но и превращает в фетиш, в главный объект внимания и поклонения. В «Раковом корпусе» таким свойством наделены груди медсестры Зои»³³: «С особенной радостью она ощущала свои дружные тугоподхваченные груди и как они наливались тяжестью, когда она наклонялась над койками больных, и как они подрагивали, когда она быстро шла»³⁴. Когда о Зое думает Костоготов, он ловит себя на мысли, что «самое сильное впечатление от вчерашнего вечера... было от её дружно подобранных грудей, составляющих как бы полочку, почти горизонтальную»³⁵. Грудь юной Аси автор наделяет к тому же и трагически нереализованной способностью к кормлению ребенка: «...и он снова возвращался к румянцу и мягко делал губами так, как её будущий ребёнок с этой грудью уже не сделает никогда»³⁶.

«Безлюбим» изображен симпатичный во многих отношениях Вадим Зацырко. 27-летний талантливый ученый даже и не вспоминает перед лицом смертельной болезни о такой человеческой ценности, как любовь: «...в моей жизни весь смысл — только в движении, пешком и на коне... не тот живет больше, кто живет дольше. Для меня весь вопрос сейчас — что я успею сделать. Надо же что-то успеть на земле!.. Чем люди живы? — А я как раз знаю. Творчеством! И очень помогает. Ни пить, ни

---

³¹ Там же. С. 356.

³² Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 357.

³³ Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына. С. 375.

³⁴ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 130.

³⁵ Там же. С. 58.

³⁶ Там же. С. 357.

есть не надо. ...А по-нашему: работайте больше! И не в свой карман. Вот и все»³⁷. Он оказывается даже более ригористичен, чем Авиета:

«— Эротический момент есть и у современных авторов. Он не лишний, — строго возразила Авиета. — В сочетании и с самой передовой идейностью.

— Лишний, — уверенно отвел Вадим. — Не для того печатное слово, чтобы щекотать страсти. Возбуждающее в аптеках продают»³⁸.

Как нечто второстепенное мелькает в воспоминаниях Вадима некая Галя («Ждала его Галка в экспедиции и мечтала выйти за него замуж, но и на это он уже права не имел, и ей он уже достанется мало. Он уже никому не достанется»³⁹. Чистая духовность, оторванная от всего телесного, материального, в такой же степени бесплодна, импотентна, как и «марксистско-ленинский» материализм Русанова. Вадим уходит со страниц повести с надеждой на выздоровление (удалось достать дефицитное лекарство), но, с другой стороны, автор теряет к нему интерес, как и врачи, «формально» ошупывающие его печень.

Вторая часть повести не случайно начинается с письма Костоглотова семье Кадминых, с его теплых воспоминаний. Николай Иванович и Елена Александровна Кадмины, прошедшие через лагерь и обретшие опыт и глубину жизни, воплощают в повести авторский идеал: и подлинную любовь, и «мысль семейную». Их письма Костоглотову, их бедный, но уютный дом, мелочи быта и даже прибившиеся к их дому собачки — это манящее тепло жизни, выступающее контрапунктом по отношению к холоду ракового корпуса и в значительной мере по отношению к истории метаний Костоглотова между Зоей и Верой, которая здесь же достигает кульминации и развязки.

Как отмечает А. Аркатова, «для многих мужских персонажей А. Солженицына взаимоотношение с женщиной становится важной вехой их внутреннего становления, переосмысления ценностей. В повести «Раковый корпус» одной из таких героинь изображена Вера Гангарт. Как персонаж Вера представлена и через видение главного героя — Олега Костоглотова, и через личное пространство, наедине с собой. И Костоглотов, и Вера являются жертвами истории и нуждаются в моральном исцелении. Вера играет важную роль не только в возвращении Олегу мужской энергии, но и в его духовном воскрешении. Она вновь вселяет в него ощущение важности жизни, бесценной в ГУЛАГе. Костоглотов, в свою очередь, освобождает Веру от тяжести воспоминаний, позволяет перейти на иной уровень постижения себя как женщины. Жизненное соединение героев оказалось невозможным. Однако светлая динамика отношений наполняет их жизнь смыслом и надеждой»⁴⁰.

Ж. Нива, опираясь на мнение Ж. Де Пройап, утверждает, что Зоя и Вега — это Эрос в двух своих аспектах, чувственном и духовном⁴¹. Если в любви Веры Гангарт преобладают самоограничение и жертвенность, то Зоя — девушка земная, плотская, чувственная, в их отношениях с Олегом нет той хрупкости-

³⁷ Там же. С. 160, 183–184.

³⁸ Там же. С. 263.

³⁹ Там же. С. 232.

⁴⁰ Аркатова А.Е. «Чудо духовности» Веры Гангарт... С. 89.

⁴¹ Нива Ж. Солженицын. М.: Художественная литература, 1992. 191 с. С. 87.

недосказанности, которая царит между Костогловым и Гангарт. «Среди Зоиных подруг, а медичек особенно, была распространена та точка зрения, что от жизни надо спешить брать, и как можно раньше, и как можно полней. К третьему курсу Зоя миновала разряд старых дев, — а все-таки оказалось это не тем. Не хватало во всем этом какого-то существенного продолжения, дающего устояние в жизни и саму жизнь»⁴². Свое будущее счастье она видит, хотя и смутно, в замужестве, в устоявшемся быте, неслучайна деталь: ее увлеченность вышиванием, неслучаен и эпитет «пчёлка» — веселая, работающая, искренняя.

Для Олега Костоглового больничная палата стала важнейшим этапом в поисках себя, в поисках истины, в поисках любви. После войны, лагеря, ракового корпуса и лишения «права продолжить себя» понятна тяга Костоглового к простой жизни, понятна слабая надежда на земное счастье, на будущую семью.

Перед выпиской Донцова как приговор произносит: «Не надо вам стремиться к семейному счастью. Вам надо ещё много лет пожить без полноценной семьи. Потому что, помните: ваш случай был очень запущенный. Вы к нам прибыли поздно»⁴³. Но, как утверждает Р. Темпест, «Костоглов — быть может, самый мятежный герой русской литературы. Своим инстинктом восставать он превосходит Базарова или Раскольников! Он не желает находиться в подчинении, будь то у советской власти, блатных в тюрьме или даже лечащих его врачей. И даже у Бога»⁴⁴. И этот «инстинкт восставать» не дает ему сдаться, упасть духом. Вышедший из больницы Костоглов воспринимает окружающий мир по-детски: «Он вдохнул — это был молодой воздух, ещё ничем не всколыхнутый, не замутнённый! Он взглянул — это был молодой зеленеющий мир! Он поднял голову выше — небо развёртывалось розовым от вставшего где-то солнца...»⁴⁵. Это было утро творения! Мир сотворялся снова для одного того, чтобы вернуться Олегу: иди! живи!..»⁴⁶. Никто из прохожих не радовался Олегу, а он — всем им был рад! Он рад был вернуться к ним! И ко всему, что было на улицах! Ничто не могло показаться ему неинтересным, дурным или безобразным в его новосотворённом мире!»⁴⁷.

Это настроение героя перекликается с тематически близким эпизодом в «Архипелаге ГУЛАГ»: покинувший лагерь автобиографический герой так же непосредственно радуется новой жизни: «Я буду здесь дышать! Я буду здесь передвигаться!.. Преподавать! — снова почувствовать себя человеком! Стремительно войти в класс и огненно обежать ребячьи лица! Не могу спать! Хожу, хожу, хожу под луной. Поют ишаки! Поют верблюды! И всё поёт во мне: Свободен! Свободен!.. Лошади жуют сено... Жуйте, беззлые. Жуйте, лошадки»⁴⁸.

Неожиданную моральную поддержку получает Костоглов со стороны коменданта, к которому является для оформления документов перед отбытием

---

⁴² Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 143.

⁴³ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 407.

⁴⁴ Темпест Р. Американский Солженицын.

⁴⁵ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 431.

⁴⁶ Там же. С. 432.

⁴⁷ Там же. С. 440.

⁴⁸ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. М., 1990. Т. 3. Ч. V–VII. С. 418–419.

в Уш-Терек. Этот эпизодический персонаж — «армянин с мягким, даже интеллигентным лицом, несколько не чванный, и не в форме, а в гражданском хорошем костюме, не подходящем к этой барачной окраине»⁴⁹, — в чем-то напоминает «бога из машины» античных трагедий — прием, использовавшийся нередко в соцреалистических производственных романах и пьесах: приехавший в коллектив, оказавшийся в трудной ситуации с выполнением задания партии (колхоз, завод, стройка), инструктор ЦК или секретарь обкома мудро и «почеловечески» разрешает конфликт, опираясь на самые последние, но еще официально не объявленные решения Политбюро. Таков и комендант:

— Вы... не горюйте. Скоро всё это кончится.

— Что — э т о? — изумился Олег.

— Как что? Отметки. Ссылка. Ко-мен-дан-ты! — беззаботно улыбался он...

Женаты?

— Нет.

— И хорошо! — убежденно сказал комендант. Со ссыльными жёнами потом обычно разводятся — и целая канитель. А вы освободитесь, вернётесь на родину — и женитесь!

Женитесь.

— Ну если так — спасибо, — поднялся Олег»⁵⁰.

В финале повести в кармане Костоглотова две бумажки с адресами Зои и Веги, но, как и у Веги, естественным выходом из непростой ситуации для него становится отказ, жертва своим во имя чужого.

Рисуя любовные метания Костоглотова, Солженицын использует прием удвоения: герой получает два женских приглашения остаться ночевать⁵¹, дарит не понадобившиеся букетики фиалок двум девочкам-узбечкам⁵², в трамвае две студентки заставляют его вспомнить о своем либидо⁵³, перед отъездом на вокзале он пишет прощальные письма и «пчёлке» Зоеньке, и «милой» Веге⁵⁴. Еще раньше, представляя свое возвращение в Уш-Терек, он вспоминает двух кандидатов на роль супруги: «Жениться можно на Ксане. Что за хозяйка!.. и дом будет на славу, и дети будут виться. А можно — на Инне Штрём. Немного страшно, что ей только восемнадцать лет. Но ведь это и тянет! Еще у нее улыбка какая-то рассеянно-дерзкая, задумчиво вызывающая»⁵⁵. Первая — безусловно, повторяет деловитую, практичную, земную Зою, вторая — романтическую, небесную Вегу.

Обе центральные героини, Зоя и Вера-Вега, в какой-то степени обмануты Костоглотовым: у каждой была надежда, когда они приглашали его к себе пожить после выписки из больницы. С точки зрения Р. Темпеста, этот поступок может восприниматься как проявление «стихийного ницшеанства»⁵⁶ героя, не желающего

⁴⁹ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 462.

⁵⁰ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 464.

⁵¹ Там же. С. 422.

⁵² Там же. С. 460.

⁵³ Там же. С. 466.

⁵⁴ Там же. С. 472–473.

⁵⁵ Там же. С. 252.

⁵⁶ Темпест Р. Американский Солженицын.

себя ничем связывать и презирающего женщин, однако это противоречит имманентно присущим Костоглову христианско-гуманистическим чертам. Оправданием отказа становятся для героя и болезнь, и положение ссыльного, и нежелание вносить еще больший разлад в надломленную судьбу Веры, и стремление к свободе и покою. «Вот так и жить, как Кадмины живут, — радоваться тому, что есть! Тот и мудрец, кто доволен немногим... Другие не дожили, а он дожил. И вот от рака не умер. Вот и ссылка уже колется, как яичная скорлупа. Он вспомнил совет коменданта жениться. Все будут скоро советовать»⁵⁷.

Ни одна из любовных историй в повести не завершена, даже не имеет продолжения, за исключением тех, что завершаются смертью. Убогий советский быт, мрачные интерьеры ракового корпуса, физическое и нравственное бессилие героев, натуралистические подробности течения болезни и ее лечения, попытки заменить любовь наукой или карьерой, обиженные жены, случайные связи, привычка к жертвенности, нетребовательность в отношениях, горькое одиночество женщин, измученное общество, символом которого становится зоопарк — все это, на наш взгляд, коррелируется с мыслью Ж. Нивы о том, что в рязанский период творчества Солженицын создает «цикл разысканий о скудости советского человека, скудости моральной, психологической и социальной»⁵⁸. Благополучен и даже счастлив в этом мире только Максим Чалый, человек, «исправляющий ошибки снабжения»⁵⁹, которому «желудок отхватили, а он только улыбается»⁶⁰, нужный всем и не подчиняющийся никому, минимально зависящий от господствующей идеологии и от продиктованной этой идеологией любовной морали.

Солженицын, как и в других художественных произведениях рязанского периода, посвященным проблеме нравственности существующего строя, не прибегает к прямым нравоучениям, действительность рисуется им в двух планах: реалистическом и символическом. Противовесом житейской скудости, низменности и беспросветности, подчинившим себе и высокое чувство любви, становятся символы, сопровождающие Костоглова, покинувшего Тринадцатый корпус и почувствовавшего воздух свободы: весеннее розовое утро, необыкновенно-нежный цветущий урюк в одном из дворишков покидаемого города, шашлык и чайхана, гордый козел и антилопа нильгау в зоопарке, прекрасная далекая звезда Вега — знаки «небесного» и «земного», сочетающие в себе духовное и физическое начала, означающие преодоление смерти, возвращение к нормальной жизни, к любви — возможной, но уже за пределами художественного пространства и времени.

---

⁵⁷ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 476.

⁵⁸ Нива Ж. Солженицын. С. 66.

⁵⁹ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 474.

⁶⁰ Там же. С. 411.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Аркатова, А.Е. «Чудо духовности» Веры Гангарт (о поэтике одного женского персонажа в повести А. Солженицына «Раковый корпус») [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. — 2013. — № 3/40. — С. 89–96.
2. Гаркавенко, О.В. Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2007.
3. Дурнов, Л. «Раковый корпус», прочитанный врачом [Электронный ресурс]. — М., 2010. — Режим доступа : http://www/vmpr.ru/index/php?option=com_content&view=article&id=113&Itemid=474
4. Крылов, В.И. Солженицын: от Рязанского кремля до Донского монастыря [Текст]. — Рязань : Литера М, 2011. — 238 с.
5. Нива, Ж. Солженицын [Текст]. — М. : Художественная литература, 1992. — 191 с.
6. Решетовская, Н.А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены [Текст] — М. : Мир книги, 1994. — 368 с.
7. Сараскина, Л.И. Александр Солженицын [Текст]. — М. : Молодая гвардия, 2008. — 922 с.
8. Сафронов, А.В. «Путь» как жанр и «путь» как судьба (Александр Солженицын и герои «лагерной» прозы) [Текст] // Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 декабря 2013 г. / РГУ имени С.А. Есенина. — Рязань : Концепция, 2014. — С. 201–208.
9. Слово пробивает себе дорогу [Текст] : сб. ст. и док. об А.И. Солженицыне, 1962–1974 [Текст] / сост. В. Глоцер, Е. Чуковская. — М. : Русский путь, 1998. — 387 с.
10. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования [Текст]. — М., 1990. — Т. 3. — Ч. V–VII.
11. Солженицын, А.И. Раковый корпус [Текст]. — М. : Астрель, 2011. — 508 с.
12. Темпест, Р. Американский Солженицын [Текст] // Первое сентября. Литература. — 2008. — № 22. — 16/30 нояб.
13. Урманов, А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына [Текст] // Между двумя юбилеями (1998–2003). — М. : Русский путь, 2005.

REFERENCES

1. Arkatova, A.E. “Chudo dukhovnosti” Very Gangart (o poehtike odnogo zhenskogo personazha v povesti A. Solzhenitsyna “Rakovyj korpus”) [Text] [“The miracle” of spirituality of Vera Gangart (on poetics one female character in the novel A. Solzhenitsyn “Cancer ward”)] // Bulletin of Ryazan state university named for S.A. Yesenin. — 2013. — N 3/40.
2. Durnov, L. “Rakovyj korpus”, pročitannyj vrachom [Electronic resource] [“Cancer ward”, read by a doctor L. Durnov. — Moscow, 2010. — Mode of Access : http://www/vmpr.ru/index/php?option=com_content&view=artikel&id=113&Itemid=474
3. Garkavenko, O.V. KХristianskie motivy v tvorchestve A.I. Solzhenitsyna [Text] : Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Christian motifs in the works of A.I. Solzhenitsyn : Abstract of dissertation for the degree of candidate of philological sciences]. — Saratov, 2007.

4. Krylov, V.I. Solzhenitsyn: ot Ryazanskogo kremlya do Donskogo Monastyrya [Text] [V.I. Solzhenitsyn from Ryazan Kremlin to the Donskoy Monastery]. — Ryazan : Litera M, 2011. — P. 238.
5. Niva [Cornfield] Zh. Solzhenitsyn [Text]. — M. : Art. Lit., 1992. — 191 p.
6. Reshetovskaya, N.A. Otluchenie. Iz zhizni Aleksandra Solzhenitsyna: Vospominaniya zheny [Text] [From the life of Alexander Solzhenitsyn: The memories of his wife]. — M. : Book World, 1994. — 368 p.
7. Safronov, A.V. “Put” kak zhanr i “put” kak sud'ba (Aleksandr Solzhenitsyn i geroi “lagernoj” prozy) [Text] [“Way” as a genre and “path” as destiny (Alexander Solzhenitsyn and heroes “camp” prose)] // The legacy of A.I. Solzhenitsyn in the modern cultural space of Russia and abroad (to the 95 anniversary since the birth of the writer): The collection of materials of International scientific-practical conference, 16–17 Dec. 2013) / Russian state university named for S.A. Yesenin. — Ryazan : Concept, 2014. — P. 201–208.
8. Saraskina, L.I. Aleksandr Solzhenitsyn [Text]. — M. : Molodaya gvardiya, 2008. — 922 p.
9. Slovo probivaet sebe dorogu [Text] [The word pushes its way] : Sb. st. i dok. ob A.I. Solzhenitsyne, 1962–1974 — a collection of articles and documents about A.I. Solzhenitsyn, 1962–1974 / ed. V. Glotser, E. Chukovskaya. — Moscow : Russian way, 1998. — 387 p.
10. Solzhenitsyn, A.I. Rakovyj korpus [Text] [Cancer ward]. — M. : Astrel, 2011. — 508 p.
11. Solzhenitsyn, A.I. Arkhipelag GULAG. Opyt khudozhestvennogo issledovaniya [Text] [the GULAG Archipelago. The experience of artistic research]. — M., 1990. — Vol. 3, part V, VI VII.
12. Tempest, R. Amerikanskij Solzhenitsyn [Text] [American Solzhenitsyn] // Pervoe sentyabrya. Literatura. — 2008. — 16–30 noyabrya. — N 22. — First of September. Literature. — 2008. — 16–30 November. — N 22.
13. Urmanov, A.V. Kontseptsiya Erosa v tvorchestve A. Solzhenitsyna [Text] [The concept of Eros in the works of Solzhenitsyn] // Mezhdv dvumya yubileyami (1998–2003). — Between two anniversaries (1998–2003). — M. : Russian way, 2005.

A.V. Safronov

ROMANTIC DISCOURSE IN A.I. SOLZHENITSYN'S “CANCER WARD” (RYAZANIAN PERIOD)

A.I. Solzhenitsyn's “Cancer Ward” is one of the most significant works of the writer created in Ryazan. The writer raised such eternal problems as the sense of life, love and death, morality of the regime, material and spiritual poverty of the Post-Stalin Russia, possibility of complete recovery and its price. Endless discussions on routine and existential problems can be traced back to F. Dostoevsky's philosophical novels. A.I. Solzhenitsyn places his characters in a cancer ward to reveal spiritual ailments they suffer from and to analyze their nature. The author never moralizes. He depicts the reality both realistically and symbolically. His novel can be treated as a social psychological research, an investigation of love. Speaking about his characters (Podduev, Russanov, Zatsyrko, Chaly, Kostoglotov and others), he depicts their love in a spiritual, sensual, and routine way. Neither of the love stories is finished. Using little details, his characters' dialogues, and symbols, A.I. Solzhenitsyn tries to show a possibility of curing the soviet society of its social cancer.

Solzhenitsyn, Ryazanian period, crisis, sensual and spiritual, love as a master of death, female characters, soviet society, symbolism.